

повесть
ОТЕЧЕСТВО

Арсен Атым

6+

Агсин Атум

Отечество. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51361099

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07394-4

Аннотация

XIX век – век таинственный, эпоха талантливых и амбициозных. Молодёжь, как и во все времена, желает перемен. Но у каждой личности эти перемены представляются по-своему. Какой путь ожидает Отечество?..

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

I

Сон как рукой сняло, после утреннего позвякивания колокольчиком камердинера Георгия, не позволив ни минуты молодому барину по обыкновению понежиться под белоснежными одеялами пышного ложа. Каждые сладостные грёзы и сказочные предрассветные видения Ладимир – этот юный искатель истинного познания – наскоро, хоть и после продолжительного пробуждения, записывал в свою «сонную книжечку», чтобы потом явить жизни собственные снохоческие наблюдения. В них он часами выискивал высшие знаки и глубочайший умысел, дабы каждой мелочи было установлено самостоятельное и обстоятельное объяснение.

Но нынешний день был не похожий на другие, из медленно тянувшихся до него, дней, которые в последнее время коротались не далее, чем в стенах поместья и на окружающих территориях. Так было не всегда, а стало лишь причиной слишком затянувшегося университетского перерыва, порой казавшегося совсем излишним. Сегодняшнее же событие обещалось стать неким чудесным исцелением для жаждущего сердца. В связи с чем, скорее даже больше от самого ожидания «того самого дня», в памяти совсем не отложилось дивного мгновения только-только завершённого сна.

Он был здесь, рядом, и собирался по мелким кусочкам из множества других, соединённых цепочкой, разномастных

перипетий, даже не связанных между собой. А ясно проявляющаяся картинка так западала в душу и перевозносила куда-то вверх, образуя состояние полёта, что казалось, реальнее мира не существует. Но всё внезапно растворилось. Такой резкий звук, такой кажущийся даже чересчур громкий и вездесущий грохот одного маленького металлического инструмента в побелённой перчатке верного домашнего будильника, проникнув в глубины разума, развеял даже малейшее упоминание о дивной истории, совсем не достигнув кульминационного момента. И это чувство, чего-то незавершённого, было, ко всему прочему, обращено в прах, когда камердинер торжественно провозгласил:

– Доброе утро, Ваше благородие! Сегодня великий день, а значит – ждут великие дела!

Именно так просил ознаменовать нынешний утренний подъём сам Владимир Николаевич Бэль – студент, исследователь, публицист и барский сын – и то было вовсе не спроста!

Увлекаясь науками, философскими мыслями или же поэтическим и писательским искусством, любой уважающий себя деятель довольно часто посещал закрытые кружки, не так давно набравшие свою особую популярность. В студенческих группах это естественно было обычным явлением, а организация тайных встреч становилась делом важным и обязательным. Здесь каждый из молодых просветителей делился собственной исследовательской работой, скрывая своё очередное открытие от остального внешнего мира, посчитав,

что этому самому миру не следует узнавать об очередном сеянии научного семени, до той поры, когда оно взрастёт и окрепнет. Все эти сходки и встречи, строго конспирировались, а нынешние досмотры на общества закапывали всё глубже в подполье учёное студенчество. Да не просто так, ведь именно на закрытых вечерах сталкивались порою силы несоизмеримые и твёрдые. Выступления поражали своими масштабами, и был здесь ни какой-то там рассказ о личностных наблюдениях, а самые настоящие доклады и даже лекции, порой настолько увлекательные и затянутые, что вполне могли бы стать достойнейшей заменой урочным часам перед преподавательской кафедрой, откуда в основе своей было больше нравоучительных и ознакомительных посылов. В подпольной встрече возникали глубокие и всесторонние размышления, о сущности той или иной поднятой темы, которые впоследствии и, как это бывает иной раз, невзначай может перейти в не менее продолжительную и увлекательную дискуссию до позднего вечера или раннего утра.

И вот, на одной из таких непубличных конференций, молодые и отважные приняли довольно смелое решение провести настоящий открытый пленум студенческих мыслителей, на который возлагались обязательства не только объединить маленькие группы разрозненных и забившихся по тёмным углам учёных мужей, но и предать всенародную огласку философско-научному движению юных и талантливых.

Тогда Владимир и его товарищи по учёному цеху направ-

ляли пригласительные письма известным им на тот момент студентам из других университетских общин, пансионатов и лицеев в знакомых городах, где вообще могли возникнуть подобные кружки, в которых они видели ту самую яркую искру, способную запустить застоявшийся мотор для будущего научного прогресса. Назначив день в один из летних месяцев проведение первого в истории открытого собрания «тайных мыслителей», как называли себя они сами, коллектив принялся тут же за поиски подходящего места, которое могло бы стать истинным оплотом для учёного студенчества настоящего Государства Российского.

Таковых мест как оказалось было предостаточно, а недремлющая народная молва позволила донести желания образованной молодёжи до инвесторов и доброжелателей, жаждущих проявить себя во всей красе дабы предоставить какой-нибудь собственный дворец к услугам новоиспечённой студенческой организации, конечно на некоторых выгодных для себя же условиях, дабы предать собственному мирскому делу весомый аргумент со значительным вкладом в поддержку современным тенденциям и вдобавок сделать радость новому учёному поколению. Ладимир и компания были весьма почтены и полны счастья, с преобладающим удовольствием рассмотрев каждый из предложенных домов.

И вот, после нескольких недель смотров, а также после получения как положительных, так и отрицательных ответов со стороны приглашённых студенческих формирований,

ребята остановились на одном довольно тихом загородном поместье, где-то в лесной глуши, под самой теменью сосновых крон. Здесь был огромный дом с просторной залой и высоченными до безумия потолками, а также с самым настоящим институтским лекториумом, что было просто истинным чудом. И этот нескромный особняк стал наиболее подходящим по мнению товарищей для проведения научной пленарной встречи. Ко всему хозяин данного поместья был небезызвестным в кругу семьи Белей человеком с весьма положительными отзывами, а ещё одним весомым плюсом для Ладимира было расположение заветного летнего местечка, и не нужно было ехать в дальние дали, с расстоянием всего-то в двадцать вёрст.

Так было единогласно принято решение о выборе студенческого сбора, за что естественно выдали часть определённой суммы, для благодарности барину. Конечно, тот много не взял, обозначив символическим то скромное значение, дабы не оставаться без дарственной. После всего, в этот же день, стороны пожимали руки друг друга. Каждый получал свою долю удовольствия и пользы от состоявшейся сделки: молодые люди наконец-то проведут встречу с единомышленниками и коллегами по учёной деятельности из других городов и селений, а хозяин – получит свою известность и прославится мудрым и добродетельным мужем, взявшим на себя ответственность за поддержание только-только зарождающегося непоколебимого и светлого огонька познания в ду-

шах, стремящихся к продолжению «Ломоносовского величия». Ко всему прочему, хозяин обещал организовать самый настоящий праздник в духе размашистого гуляния русской души с громкой музыкой и яркими нарядами. По случаю будущей конференции, готовились пышные представления и богатый фуршет, а также, с полнейшим дозволением Ладимира и его товарищей, приглашался любой желающий из окрестных поселений от мала до велика.

Конечно, вся эта суeta и широкий размах, вполне могли вызвать к присутствию на конференции и нежелательных личностей, которые скорее дозvoлят себе прийти, дабы поглазеть на происходящие вокруг развлечения, чем из-за интереса о развитом складе ума своих современником. Поэтому друзья приняли единогласное решение о том, что торжественная часть будет произведена на всеобщий показ на уличных площадках поместья, а также в той самой гигантской зале, а деловая встреча научного круга, в отсутствие посторонних глаз и ушей, всенепременно пройдёт в удобном для этого знатно сколоченном лектории. Тем более, что такие мероприятия для молодых студентов не сравнятся с их секретными встречами неимущих кружков, возникающими то тут, то там, словно стан антиправительственных вольнодумцев, в подвальных помещениях шумных трактиров или маленькой комнатушке близкого товарища, скрывающие каждую свою сходку, опасаясь быть непонятым или понятым, но вовсе не так. Да и делается всё это впервые,

что естественно создаёт необходимость в формировании так называемого «пробного съезда», для возможности создания последующих ежегодных, где в дальнейшей перспективе и появится такая нужда в присутствии интересующихся слушателей и зрителей, а может и некой официальной делегации. Но, а пока, дело было сделано и оставалось только считать деньки, в ожидании этого чудесного события.

Воодушевлённый и более не огорчённый о забытом сневидении, Ладимир, очень живо собравшись, ринулся в гостиную, где, как заведено, его ожидал уже приготовленный завтрак. Там же находилось и всё домашнее семейство, для которых ранний подъём был вовсе не в новинку и повсеместно обязателен.

Барин-отец Николай Алексеевич, белый как лунь старый вояка, в положенном ему парадном мундире, без эполет, с большим нагрудным знаком отличия с уже затёртой памятной датой «1812»; матушка Марья Константиновна, тихая и кроткая женщина, светлым ликом своим озаряющая всё пространство гостевой комнаты, будто само утро из окон проникло за толстый кирпич барских застенков. Были здесь и два малых мальчонка – детки старшего брата Фёдора, такие же, как и сам он, шумные сорванцы, неусидчивые на одном месте и носившиеся уже в такую рань из угла в угол с безумными криками, размахивая деревянными шпагами.

Отец, расположившись во главе застолья в кресле с высокой спинкой, ничуть не смущаясь шумному начинанию

дня, молча зачитывал утреннюю газету, со столь кричащими заголовками на шелестящей бумажной основе, лишь изредка вслух оглашая свои вставки и высказывания по поводу бегло прочитанного. Эти серые, следующие одна за другой, колонки на жёлтых листах, дарующие запах старинной рукописной работы, сегодня извещали о героическом прорыве северных войск генерала Гранта в Оверлендской кампании, с некоторым успехом нанеся поражение южанам у Тревилльян-Стейшн. На другой странице, вызывая всё те же чувства неучастия Николая Алексеевича, искусно описывались упоминания о франко-мексиканском конфликте. На следующей же – крупными буквами сияла грозная надпись: «Распад «Земли и воли»: Последствия», где для мнения автора было выделено особенно много места, из-за чего довольно показательно и громко главе фамилии приходилось несколько раз произвести пролистывания, чтобы оказаться на последующей статье с иным оглавлением: «Подавление мятежа в Речи Посполитой». На последнем же оборотном листе, где-то в углу широкоформатных объявлений, можно было случайно заметить маленькую, невзначай промелькнувшую, сноску об открытии станций «Ноттинг Хилл», «Хаммерсмит» и «Шефердс Буш», расширявшие сеть Лондонского метрополитена.

Матушка состояла в преспокойном расположении духа, ничуть не смущаясь шумному начинанию дня, что ни детский гам и ни ворчание старика совершенно не могли повли-

ять на трапезные занятия завтраком, любезно встретив сына Ладимира приветливой материнской улыбкой, с пожеланиями доброго утрачка. Приборы в её руках обретали лёгкость и женскую нежность. И вилка, и нож становились менее острыми, принимая вид волшебных инструментов в бледных ладонях светлоокой старушки, так аккуратно с ними обходявшаяся.

Занимая своё место около батюшки, напротив матушки, Ладимир без каких-либо раздумий набросился на тарелку с приготовленным из куриных яиц блюду, наскоро закусывая свежим ломтем подового хлеба. Обилие зелени, орехов и мёда образовывали на белой скатерти нарядное и праздничное богатство семейства Белей. По центру стола располагался огромный фырчащий металлический тульский самовар, искрившийся позолотой и паривший дурманом заваренного травами чая. Камердинер Георгий, всё это время занимавшийся торжественными приготовлениями, исполняющий вдобавок услуги подающего кушанья, грациозно наполнил фарфоровую с хохломой чашку Ладимира горячим напитком, на что молодой человек ответил любезно добрым словом, приглашая и его разделить с семьёй стол. На что Георгий мог дать вполне законный отказ.

Пирог с голубикой, торжественно поданный к трапезе, полагался на десерт. Его рыжая корочка аппетитно радовала глаз сочным переливом запечённого теста. Верный слуга аккуратно поделил его на равные кусочки, тем самым разнося

по гостинной ягодный аромат внутренней начинки. С одним из кусочков Владимир справился заметно легко и без промедлений, тщательно пережёвывая и запивая горячим травяным чаем из букета липового цвета, ромашки, чабреца, душицы, зверобоя, ягод шиповника и листьев малины.

– Не спеши, – говорила нежно Мария Константиновна – Успеешь ещё до начала.

– Не, матушка, – отвечал Владимир с набитым ртом, продолжая наскоро запивать чашкой с чаем – Мне необходимо прибыть заранее.

– Разве же есть на то нужда? – не успокаивалось настойчиво материнское сердце.

– Мы, как достопочтенные организаторы, обязаны присутствовать на открытии, а стало быть, будем ожидать гостей у порога!

– Ох, право! – вздыхала старушка – Всё одно насиловать себя нет нужды. Только зря измучаешься...

Неожиданный удар по столу прервал короткую беседу. Звон посуды противным позвякиванием отстрелился в ушах, закрадываясь в безмолвное спокойствие души. Николай Алексеевич, недовольно зачитывавший последние сводки, отбросил, наконец, информационную солянку современного человечества в сторону, вмешавшись в разговор матери и сына:

– Прекрати, жена! – голос его был твёрд и настойчив, а минутный выброс энергии тут же стал затихать, и вот уже

острые черты лица его с седыми бакенбардами, точно пиками, распростёртыми в разные стороны, приобрели уже тот свойский округлый вид, к которому так привыкли жители поместья, обратив только что озлобленного старика в плюшевого дедушку – Пусть сам решает чего ему надобно, а чего нет – голос стал тихим и сдержанным – Не малый ведь, и дело доброе! Себя вспомни, как мчали сломя голову наперёд.

– За себя говори, – ответила, сдержанно и отстраняясь, Мария Константиновна – Жизнь не для беготни задумана. А решает пусть сам, я не собиралась перечить. Сыну слово нельзя сказать, – матушка не была огорчена, голубые её глаза, глубоко посаженные, по-прежнему сияли тем же перво-родным светом доброты, на старческой морщинистой коже её круглого личика, но тон её всё же сменился и стал похож на то, будто и говорит она вовсе сама с собой – Всё твои газеты, читаешься всякую чушь, да бредни, которые голову морочат, и злишься потом...

– Матушка, не ссорьтесь, – улыбнулся Владимир, зная, что отец не со зла повёл себя бестактно, а по случаю своего дурного характера, за который он всегда сам же себя корил – Полно уже, день какой чудесный! Да и мне собираться уже пора, на дорогу не будем браниться. А время действительно нужно поберечь, но и ждать нельзя – добавил Владимир собственное умозаключение, в истине которого не могли усомниться родители, и не успел юный ум выскочить из-за стола, как воздушным проявлением, Георгий подал ему на стол

утреннее письмо, отчего спешка молодого и горячего всё же слегка пресеклась.

Ладимир прекрасно знал от кого оно, и весь в предвкушении распечатывал шершавый конверт, закреплённый восковой печаткой с изображением трёх полумесяцев. Ведя вот уже на протяжении нескольких лет дружескую переписку с одним турецким мыслителем, Ладимир каждый месяц ожидал новую посылку, чтобы затем, зачитав очередное сообщение, приготовить пламенный конспект с любовью из российской глубинки. Знакомство это произошло так внезапно, и даже несколько таинственно.

Проходя тогда обучение в одном из лицеев, почитая отцовские наставления, насчёт будущей службы, Ладимир, безусый тогда мальчишка, очень часто посещал коллежские собрания будущих молодых чиновников, где проводились встречи с деятелями наук, отраслей и политики. На одной из таких официальных встреч как-то присутствовала иностранная делегация во главе с немецкими корреспондентами. Среди них находился и молодой стажёр, который оказался довольно сведущ в делах российских и достаточно прекрасно изъяснялся на великом и могучем. Собственно стажёр этот был вовсе не простым молодым человеком, являвшимся, как впоследствии оказалось, прирождённым валахом одного из Дунайских княжеств, получивший прекрасное образование в Австрийской Империи. Затем он переехал в Берлин, для прохождения дополнительного обучения, где

связал свою жизнь с местными энтузиастами германского и турецкого происхождения, которые день и ночь занимались исследованиями в области точных наук. С ними же он и отправился впоследствии в Османскую Империю, где и поныне проживает, путешествуя по городам и продолжая дело своих мудрых наставников, выискивая всё новые и новые научные открытия.

Но до своего учёного пути, компаньон Ладимира был в первый раз на официальном съезде в России и посему, по сложившимся обстоятельствам, рассматривая очередную мелочь в коллежском коридоре, фиксируя наблюдения в свой кожаный блокнот, отстал от своей немецкой делегации, забредя в лекционную аудиторию, где по счастью проводили конференцию для Ладимира и его товарищей. Незаметно расположившись на одной из парт, молодой стажёр подсел именно рядом с юным Белем. При этом, буквально за несколько минут, один из сокурсников, покинул аудиторию ввиду собственной нужды. Так и познакомились, и до такой степени породнились, что в течение всего времени нахождения делегации в городе, старались поддерживать общение, встречаясь для бесед в ресторанчиках.

И вот, старинный друг, отослал ещё одно своё откровение. Родные тоже ждали писем, всегда с удовольствием прослушивая вслух зачитанные Ладимиром сообщения из дальнего края турчинской стороны. Развёрнутая бумага, как и всегда, ударила табачным душком и персидским одеколоном, кружа

голову и погружая в мир, где это письмо было некогда с сердечным старанием создано.

*«Бисмилляхи-р-рахма́ни-р-рахі́м
Дорогой мой друг Лад!*

Премного благодарю за твоё предыдущее письмо! Твои слова, пусть начертанные на листах бумаги, но очень важны и нужны сердцам, которые ищут утешения и человеческого понимания. Всем нам есть чему учиться в этом мире, недаром совершенно разные мы всё же нашли себе верных товарищей и друзей среди этой яркой пестроты, таких же различных и не похожих личностей! Так далеки между нами расстояния, но так близки наши духовные узы, что в крепости их едва может усомниться самый недоверчивый на свете человек.

Спешу при этом продолжать сообщать вести из Великолепной Порты!

Нынешнее положение в стране приближает народное беспокойство к некой точке накаливания, преодолев которую может случиться ещё более страшное, нежели когда-то произошло с почтенным корпусом янычар. Возмущение подогревает сама же человеческая несостоятельность, внутреннее состояние несформированности и совсем ещё зелёная юность ума, под личиной закоренелого философского нравоучителя. Нас пытаются разобидеть с христианскими обществами, с людьми, которые делят с нами быт и куль-

туру, хлеб и землю, беды и радость, науку и заблуждения. В белых душах османского величия зарождаются очернённые клеветой необоснованные настроения о не сбывшейся мечте, которую якобы крадут у них иноверцы.

Друг мой, это печально, но люди, кажется, поддаются на уловки внутреннего врага, концентрируя всё своё возмущение на ни в чём не повинных мирных жителей греческих, армянских и ассирийских происхождения общинах. Ложь продолжает вытягивать свои гибкие веточки, всё крепче и крепче зарывая свою сгнившую корневую систему, впитывая фальшивые настроения в молодые неокрепшие поколения.

Политика Его великолетия султана Абдул-Азиза тут и там вызывает не обоснованную ярость борцов за Великую Империю, не соображая о действительных великих намерениях царственной особы, способного на истинный подвиг ради блага отеческой земли. Его атакуют злые языки и подлые наставники, окружают как коршуны, ожидая момента, что он оступится, дабы изголодать его честную кость. Мы обязаны быть не просто современниками, нам важно оказаться прямыми участниками событий этого мира, я жду перемен, мы все этого ждём!

При всём этом, я искренне рад за ваш успех, и желаю прекрасно провести учёный съезд, и надеюсь, что это письмо ты получишь вовремя. Буду ждать твоего дорогого моему сердцу отчёта по пленуму.

Мой путь сейчас ведёт меня к Иерусалиму, там мы оста-

новимся на время, для продолжения нашего дела, прошу дать ответ по старому же адресу, поскольку надолго мы там не задержимся, и пока будут перемещаться наши с тобой письма, я надеюсь с гордо поднятой головой вернуться. Пиши, не забывай.

Ин ша'а Ллах!

*Твой высокопочтеннейше
и низкосклоняемый османский друг
и товарищ. Сердечно М.К.К.Р.»*

Зачитав сообщение, думы Ладимира делились надвое. Где-то здесь трепещущая птичья трель за окном звонко оглашала утреннее благословление; солнечный свет изливался бесконечным потоком тепла и веселья, даруя фруктовым садам яркий окрас бушующего зелёного моря. Так и в сердце западала сладкая слуху и близкая по духу начертанная чернилами речь османского учёного. При этом сами уста наречённого товарища, которые могли бы огласить эту праведную речь, были далеки, где-то там, в засушливом океане песчаных дюн, окружавших каменные города с гудящими бесконечными базарами в его центре. В этом шуме узнаётся не только местный колорит многонациональной империи, среди обилия товаров и роскоши богатых излиятий, но и некая затаившаяся темень, из-за возникновения которой беспокоились, видимо, только единственный государь своей земли и пока ещё малоизвестный в мировых кругах иссле-

дователь, урождённый валах, деятельный европеец, закоренелый осман и близкий друг Ладимира.

Мысли окутали молодой разум. Утро теперь чем-то озадачилось, но невозможно было уловить ясно, какая из существующих на свете причин могли действительно повлиять на расположение этого дня. Собственные свои раздумья вполне можно было попросту затушить, но аналогичное положение, состоявшее и в Империи Российской, как и в Османской, не позволяло быть отстранённым. Назревало что-то отнюдь не доброе, при этом именно от возможности, которая может произойти, вероятно, и будет зависеть будущее всего человеческого мира. Перемены могут нагрянуть так скоро и быстро, что успеть оглянуться сможет и не каждый. Назревавший конфликт между народами, и между государями и их подчинёнными, может стать некой предельной чертой, перейдя за которую произойдёт нечто не обратимое. Ладимир всё это прекрасно понимал, нужно было браться за начинания иного характера. Возможно, именно сегодня выпал тот самый шанс и час, когда в руках маленького человека таится судьба мировой общественности. Дело – путь к сердцам!

Занимаясь собственными исследованиями и научными наблюдениями, Ладимир брался большею своей частью за окружающий его мир. Близость к родному краю, к природным богатствам и разнообразию совершенных форм, сформировало в нём образ истинного натуралиста и естественнонаучного деятеля. Готовя свои публикации и очерки, он про-

рабатывал каждую статью для передачи её на печать в журналах и газетных колонках, которые редко выпускались, но при этом попадали на стол к нужным людям в кругах университетских образований. Владимир брался с удовольствием за абсолютно любую возможность для подачи миру своего видения взаимосвязи всего живого друг с другом, и какого было его изумление, когда один из его докладов был с величайшим почтением запрошен для издания в знаменитом томе журнала «Вокруг Света». Тогда празднику не было предела, и экземпляр журнала с колоссальной родительской гордостью был установлен на самой видной полке книжного шкафа в гостиной зале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.